

О. Джеймс

Морской орел

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
О-11

О. Джеймс
О-11 Морской орел / О. Джеймс – М.: Книга по Требованию, 2020. – 178 с.

ISBN 978-5-458-03302-2

"Морской орел" - самый популярный из романов Олдриджа, посвященных героям Сопротивления.

Стиль писателя, выразительный и скупой, становится в этом произведении особенно сильным и экспрессивным, а его герои - настоящие мужчины, готовые до последней секунды противостоять самым сложным обстоятельствам, сразу же покоряют читателя. Увлекательный, захватывающий сюжет "Морского орла" привлечет поклонников приключенческой литературы, а глубина психологизма в прописывании персонажей станет настоящим подарком для ценителей хорошей военной прозы.

ISBN 978-5-458-03302-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020
© О. Джеймс, 2020

Джеймс Олдридж
МОРСКОЙ ОРЕЛ

Нис защищал Мегару, когда в страну вторгся Минотавр. Его сводный брат задумал захватить Мегару в свои руки, как только Нис одолеет Минотавра. Нис проник в его замысел и рассказал о нем Зевсу. Зевс превратил сводного брата в рыбу, а Нису дал власть по желанию превращаться в морского орла, чтобы в этом образе преследовать сводного брата и наблюдать за действиями врагов.

Официальная война закончилась с уходом эсминцев. Они вывезли то, что уцелело от Новозеландской дивизии, и потрепанные остатки английских и австралийских полков. После этого было объявлено, что Крит эвакуирован.

Тогда-то оно и началось. Все то, что было потом.

Эсминцы возвращались еще несколько раз, и многих, кто дожидался на южном берегу, им удалось забрать. Но долго на южном берегу нельзя было оставаться, потому что немецкие самолеты сбрасывали один парашютный десант за другим. И пришлось уходить в горы отрядами, порой довольно большими.

Весь Крит — сплошные горы, крутые и неприступные, так что прятаться было не трудно. И критяне очень охотно укрывали и кормили *инглези* и младших *инглези*. «Младшими *инглези*» они называли австралийцев и новозеландцев, когда распознавали их среди английских солдат. Иногда целые месяцы проходили, прежде чем немцы добирались до такого отряда младших *инглези* и уничтожали его.

Но рано или поздно до них добирались, и долго еще после окончания официальной эвакуации в горах шла война. Она шла до тех пор, пока существовали большие отряды. Но большие отряды было легче обнаружить и уничтожить, и в конце концов от австралийских войск остались только мелкие разрозненные группы.

Мелкие группы уходили в ту часть острова, где горы дики и почти пустынные. Они бродили взад и вперед и время от времени предпринимали короткие стремительные вылазки на побережье, в надежде достать лодку или другим каким-нибудь способом добраться до Египта.

Немцы истребляли и мелкие группы. Это было труднее, но для того чтобы выбраться к морю, австралийцам приходилось спускаться с гор и выходить на равнину. Тут их и ловили. Кроме того, немцы иногда устраивали облавы в горах, так что скоро стало опасно держаться вместе даже мелкими группами, и младшие *инглези* шли дальше, рассыпавшись по двое, по трое, и многие гибли или попадали в плен. Но все же в горах было сравнительно безопасно. Оттого безопасно, что даже теперь — два или три месяца спустя после окончания войны на Крите, — лишь в немногих городах и деревнях были немцы.

Однако чтобы бежать с острова, необходимо было пробраться к югу и выйти на открытое место. А бежать младшие *инглези* пыгались беспрестанно. Но и тогда, когда приходилось выжидать, укрываясь в горах, они все время двигались, переходя из деревни в деревню при первом появлении немцев или при первом слухе о том, что немцы близко. Кое-где сами критяне оказывали организованное сопротивление или по крайней мере готовились к этому. Правда, такие места редко попадались на пути.

Так они бродили по Криту. То вверх, то вниз. Все время в движении — еще и потому, что ведь приходилось промышлять себе пищу, а это всегда было связано с риском, несмотря на то, что критяне охотно делились всем, что имели.

И покуда вы оставались в горах, вы все время двигались, переходили с места на место. И ждали, когда придет время для стремительной вылазки на юг, к Средиземному морю, и можно будет спуститься с гор и отважиться выйти на

изрезанное дорогами побережье. Только бы туда, на юг, и достать лодку, и выбраться отсюда, и добраться до Египта, и начать опять все сначала.

Но вы никогда не задумывались о том, как все будет, когда вы доберетесь до Египта. Вы думали только об одном: что вот придет день, и вы спуститесь с гор и выйдете на южный берег. А до тех пор важно не попасть в руки к немцам или итальянцам, которых все прибавлялось на Крите, и для этого надо все время двигаться с места на место, точно уходя от погони.

Хорошо, если удавалось набрести на такую деревню, которую еще не нашли, не облюбовали и не заняли немцы. Но рано или поздно оказывалось, что они уже близко или скоро будут близко, и нужно было снова уходить.

И так все время. С места на место.

Так два австралийца пришли в Сан-Ксентос, винодельческую деревушку, прилепившуюся к горе Юктас. В тени самой Иды. Но далеко от Иды и на такой высоте, где еще могли расти маслины. И виноградники, неровными рядами лоз исчертившие красные склоны.

Два австралийца спустились в Сан-Ксентос по узкой тропе, прорезавшей склон. Оба были в простых широких рубахах из бумажной ткани, какие носят крестьяне Крита. Штаны на них были какого-то неопределенного цвета, но европейского, некритского покроя. У одного, повыше ростом, штаны ниже колен были заправлены в толстые шерстяные носки, на критский манер. Но от этого он был похож не столько на критянина, сколько на велосипедиста викторианской поры.

Второй, плотный, круглый, с бледными тонкими губами и взъерошенной шевелюрой, видимо, меньше заботился о маскировке. Его широкие, обтрепанные внизу брюки свободно болтались над когда-то коричневыми башмаками австралийского армейского образца.

Круглый шел впереди и напряженно смотрел вниз, туда, где сплошным пятном белели строения Сан-Ксентоса. Он высматривал дорогу, ведущую в эту нелепую деревушку. Дороги нигде не было видно. Только узкие тропы тянулись с разных сторон сквозь дымку кустарника, совсем пурпурного сейчас, под отвесными лучами солнца.

— Ну, что? — спросил высокий.

— Никаких дорог, — сказал круглый. — Но в последней деревне тоже не было дорог, а все-таки они добрались туда.

— Я так голоден, что мне все равно. Пойдем, — сказал высокий.

Круглый, у которого нос, подбородок, щеки, все лицо было точно вздернуто вверх, уже начал спускаться по узкой тропе, Энгес Берк — так его звали — весь напряженно подобрался, когда тропа вдруг выровнялась и подошла вплотную к глинобитным хижинам окраины Сан-Ксентоса.

— Смотри, не видно ли мотоциклов, — сказал он. — На них всюду можно наткнуться.

— Зря ты не подвернул брюки, — сказал высокий.

— Я до того оброс, что и так сойду за грека.

Они с минуту постояли там, где тропа выходила на ровное место. Они были теперь на уровне грязно-белых домишек и внимательно искали каких-нибудь признаков немецкой или итальянской оккупации. Это всегда была самая неприятная минута, когда вот так, постепенно, приближаешься к деревне и есть до того хочется, что идешь на риск; но нервы напряжены, и не можешь совладать со страхом.

Это всегда была критическая минута.

Они медленно двинулись по засыпанной здесь песком тропинке, которая сворачивала к каменному дому на сваях, потом вдруг круто огибала его и шла дальше между двумя рядами глинобитных хижин. Стали попадаться навстречу собаки, женщины с детьми, потом мужчины в мешковатых критских штанах; а в воздухе стоял острый запах не то уксуса, не то вина; так и ударило в нос.

Энгес Берк наметил себе одного. Он стоял и смотрел на двух незнакомцев, которые приближались, шагая между рядами белых каменных домов. Высокий все еще озирался кругом, в поисках следов немецких или итальянских оккупантов. Но Берк шел словно по улице родного города. Он остановился, когда они поравнялись с критянином, который весь был облеплен виноградной кожурой и пахнул, как перегонный завод.

— *Калимера*, — произнес Энгес Берк греческое приветствие.

— *Калимера*, — ответил критянин.

— Мы бы хотели поесть, — сказал Энгес Берк по-английски.

Критянин посмотрел на него, потом на что-то за его спиной. И Энгесу Берку захотелось повернуться и тоже посмотреть, но он этого не сделал.

— *Таи*, — сказал Берк. Это было критское производное от «овес» и «пища», и означало оно всякую вообще еду.

Тогда критянин спросил:

— *Ингези?*

Энгес Берк медленно покачал головой, потом повернулся и посмотрел туда, куда смотрел критянин, но увидел только молодую девушку, которая засмеялась и убежала в дом.

— *Австралос*, — сказал Энгес Берк. — Младшие англичане. — От сказал это по-гречески.

— Ага. — И протяжно: — *Австралос*.

— *Нэ*. — Непостижимое греческое «да». Произнес его высокий.

— Привет вам, — сказал критянин.

Слова эти были хорошо знакомы Энгесу Берку, и скывывавшее его напряжение немного ослабело. Критянин улыбнулся обоим. Потом повернулся и сделал им знак идти за ним.

— Энгес, — сказал высокий. — Эта охота за жратвой меня доконает.

— Тебе еще долго придется этим заниматься, — равнодушно отозвался Берк.

Следуя за критянином, они стали взбираться по крутой каменной улочке, посреди которой бежал темный ручей. Виноградная кожа всюду, все стены облеплены ею. Ручей натекал из отверстий в стенах на уровне земли. Это были давяльни, здесь давили виноград.

Они вошли в низенький глинобитный сарай, стоявший в стороне. Там громоздились высокие кучи нарезанных и высушенных виноградных лоз и стояли деревянные козлы, на которых растягивали и выпрямляли лозы перед тем, как нарезать. Перед входом было навалено много корзин, сплетенных из этих лоз.

Критянин усадил их на скамью. При свете, падавшем из отверстия в соломенной крыше, он налил белого вина в черепяную флягу. Потом положил на деревянную тарелку кусок овечьего сыру и круглый плоский арабский хлебец и подал им.

— Вот вам, — сказал он по-гречески.

Энгес Берк поблагодарил его по-английски, и они тотчас же принялись за еду, намазали сыром похожий на лепешку хлеб, разломали его пополам и усердно стали жевать. Критянин подложил на тарелку еще сыру и деликатно отвернулся, чтобы не смотреть им в рот.

— Верно, это все, что у него есть, — сказал высокий, но тем не менее продолжал жевать.

— Достанет себе, — сказал Берк. Он отпил белого вина из фляги. Вино было серебристое и холодное, потому что фляга была из глины.

— Белое, — сказал он о вине.

— Отчего это одни вина бывают белые, а другие красные? — спросил высокий.

— Если виноград давят до брожения, получается белое вино, а если после — красное, — сказал Берк. — Или наоборот, я точно не знаю.

Высокий — его звали Рид — допил до дна и сплюнул осадок, подивившись его горечи. Он скорчил гримасу и поспешил растереть плевков ногой. При этом он покосился на критянина — не заметил ли тот.

— Надо и с собой что-нибудь захватить, — сказал Энгес Берк.

— А может быть, подождать здесь до вечера и выйти, когда стемнеет? Мы уже очень близко от дорог, Энгес. Вот-вот очутимся на равнине.

— Слушай, — сказал Берк. — Раз уж мы двинулись на юг, времени терять нельзя. Сколько раз я тебе это говорил. Когда выйдем на равнину, тогда будем делать переходы только по ночам. А здесь еще большой опасности нет.

— Как бы не так, — сказал высокий, Рид. — Именно здесь у них на каждом шагу патрули.

— Будем держаться подальше от тропок.

— От тропок. Скоро уже дороги пойдут.

— Пока их не видно.

— Зачем рисковать?

— А ты думал, что выберешься отсюда без всякого риска? — спросил Энгес Берк, глядя на Рида. Он спросил это так, как будто ему в сущности мало дела до того, выберутся ли они отсюда, и до Рида, и даже до самого себя. Тон у него был довольно циничный. Риду он показался очень циничным.

— Не стоит спорить, — сказал Рид, слегка пожав плечами.

— Я и не спорю, — сказал Берк. Он встал. Критянин услышал и повернулся к ним. Он был седой, почти старик, а когда улыбался, вот как сейчас, то становился похож на молодого медведя.

— Спасибо, — еще раз сказал ему Берк.

Потом он занялся сложной мимикой: указывал на хлеб, затем на свои карманы, оттопыривая их, как будто они полны, — все для того, чтобы попросить немного еды на дорогу. Седой критянин понял и закивал головой, повторяя: «Нэ, нэ». Он подошел к мешку из небеленого холста, развязал его и достал четыре черствых арабских хлебца. Он подал их Берку, который для приличия немного поломался, но седой критянин сунул хлеб ему в руки; потом долил вина в флягу и подал высокому, Риду; потом дружески протянул каждому руку, и они так же дружески ее пожали. После этого все трое вышли из сарая.

— Это я понесу, — сказал Берк, указывая на вино.

— Какого черта, Энгес...

— Давай, давай. Ты все вылакаешь. — Берк отдал Риду хлеб, а сам взял флягу.

Они пошли по деревне дальше. Седой критянин всем соседям рассказывал про *австралос*. Встречные мужчины спешили торжественно пожать им руки. Это было довольно неудобно, потому что руки у Энгеса Берка и Рида были заняты хлебом и флягой с вином. Наконец они еще раз попрощались с седым критянином,

отчетливо выговаривая: «Спасибо, спасибо», и, выйдя из Сан-Ксентоса, стали спускаться по склону Юктас медленно, потому что руки у них по-прежнему были заняты хлебом и флягой с вином.

Еще винно-уксусный запах Сан-Ксентоса стоял у них в ноздрях, когда вдруг внизу, прямо под ними, открылась долина между Идой и Юктас, вся в пестрых пятнах полей и невысоких холмов, и густых каштанов на фоне белого известняка, и обширных фруктовых садов, и высоких желтых тополей. Казалось, она совсем, совсем близко и слишком густо населена.

— Ну вот тебе, — сказал высокий Рид. — Смотри на эти дороги.

— Смотри себе под ноги лучше, — сказал ему Берк.

И они продолжали спускаться по каменистому склону вниз, в долину. Но она была еще далеко. Они решили, что не пойдут туда прямо. Они будут держаться отрогов Юктас, тянувшихся к югу. Они постараются обойти деревушки предгорья, прячась среди кустарника и чахлого сосняка.

Под вечер они вышли к предгорью Юктас. Деревни лепились здесь одна возле другой, и хоженных троп кругом было так много, что уклоняться от них становилось все труднее. Узкие извилистые критские тропинки, разбегающиеся во все стороны, куда только заблагорассудится свернуть.

Берк знал, что здесь опаснее всего. Местность все еще была дикая и скалистая, и идти приходилось словно вдоль ската крыши. Немецкие патрули сновали повсюду, потому что хоть это были горы, но не те единственные и полные опасностей горы, куда они не очень любили углубляться.

И здесь, в расположенных у подошвы деревнях, они подстерегали англичан и австралийцев, спускавшихся с гор. Над многими деревнями были пулеметные гнезда. И кое-где у придорожных колодцев тоже. Обозленные немцы задерживали множество греков и трагили много времени, выясняя, греки они или нет.

Энгес Берк и высокий Рид попали сюда слишком рано. Торопливость Берка испортила дело. Ночью, в темноте, можно было пройти через эти деревни благополучно или миновать их. Но Берк вышел сюда еще до наступления темноты, и это не могло привести к добру.

Они продвигались вперед со всей возможной осторожностью, неуклонно спускаясь под гору, но при этом используя каждый перелесок, и только там выходя на тропу, где иначе нельзя было пройти. Кругом были разбросаны небольшие деревушки, зачастую просто горсточки домов, как это обычно бывает в нижней части Крита. Повсюду виднелись дома и люди, копошившиеся среди виноградников, в эту пору года уже оголенных.

Патруль из трех человек встретился им посреди неширокой горной тропы. Берк и Рид шли по ней потому, что это был единственный путь вниз среди отвесных круч. Немцы шли по ней потому, что это был единственный путь вверх. Берка удивило, что это случилось так скоро — раньше, чем они успели дойти куда-нибудь. Всегда ведь ждешь, что это случится. Рано или поздно наткнешься на патруль. Но не сегодня. Не сейчас. Что-то уж слишком скоро. И все-таки вот они, Энгес, голубчик, поднимаются прямо навстречу тебе, по той же тропе, вдоль каменной стены, вытертой до блеска корзинами, которые мулы проносят здесь взад и вперед. По этой же самой тропе поднимался теперь в гору патруль из трех человек. Три немца были в полсотне ярдов от них и приближались с каждым шагом. И все трое смотрели вверх, неестественно высоко держа голову, как

люди, привыкшие стоять навытяжку. У каждого был автомат, похожий на финскую суоми, поменьше, чем, томпсоновский ручной пулемет.

— Смотри на них, когда они будут проходить мимо. На них смотри, — сказал Энгес Берк.

— Нужно посторониться и дать им дорогу, — сказал высокий Рид. Они говорили с внезапным спокойствием отчаяния.

— Пусть сами посторонятся, — сказал Берк. — Но ты смотри на них. Пусть не думают, что ты боишься на них смотреть.

И высокий только кивнул в ответ, потому что за ближним поворотом тропы они столкнулись с немцами лицом к лицу. Немцы были одеты так, как всегда бывают одеты военнопленные на снимках. Короткие штаны, носки, колбаской завернуты на башмаки, и лыжная каскетка с большим козырьком. У того, что шел впереди, автомат висел через плечо, и левая рука была засунута под ремень.

Энгес Берк шел по краю, у самой стены.

Разминуться можно было не останавливаясь.

Первый немец поравнялся с ним, и Берк посмотрел на него пустыми глазами. У него было молодое загорелое лицо. Другие два шли следом, плечо к плечу, слегка наклонясь вперед, и Берк вдруг ясно представил себе свой костюм, свое круглое лицо, свои башмаки армейского образца и штаны Рида, заправленные в носки.

Патруль прошел мимо, подозрительно оглядев обоих австралийцев. Три немецких солдата с квадратными походными фляжками, торчащими на боку. Энгес Берк в первый раз видел немцев так близко от себя. Совсем близко. Он испытывал какое-то любопытство, перекрывавшее даже чувство опасности. Вот это те, с кем ты воюешь. Чудно, что ты совсем рядом, проходишь мимо, смотришь на их форму, зеленую, зеленее, чем ты думал, из гладкой добротной материи. И лица у них смуглые, очень смуглые.

Ничего не случилось, пока они не поравнялись с Ридом, который шел за Берком. Последний немец сказал что-то остальным, и Энгес Берк понял, что сейчас что-то случится. Немцы пошли дальше, но Берк знал, что они оглядываются назад.

— Что он сказал? — спросил высокий Рид, нагоняя его.

— Не разговаривай, — сказал ему Берк. — Идем.

Они прибавили шагу, не таясь, так как теперь поворот дороги скрывал их от немцев.

— Что он сказал? — снова спросил Рид.

— Что ты слишком высокий, слишком рослый для грека.

— С чего это ему вздумалось? Я встречал греков и повыше ростом.

— А он, видно, не встречал, — сказал Берк. И сразу же: — Они идут.

И в самом деле, патруль возвращался назад. Слышно было, как они тяжело топают, тормозя шаг, как делаешь всегда, спускаясь с горы, и эхо, особенно гулкое среди скал, разносило этот топот кругом.

— Надо было и тебе заправить штаны, — сказал высокий. И это он, Рид, первым пустился бежать.

— Стой. Стой, черт тебя подери. — Берк выкрикнул это, не помня себя.

Но высокий уже миновал его и мчался вниз по тропе, которая еще ярдов двести вилась среди голых скал, а потом сворачивала в низкорослый сосняк.

И Берк побежал тоже, потому что теперь все уже потеряло смысл. Он бежал, опираясь в каменистый склон, чувствуя, как выхляются его ноги в разбитых башмаках. Он старался прислушаться, далеко ли патруль; но грохот был такой, что ничего не было слышно. Рид, в нескольких ярдах впереди, неуклюже скользил и скользил на своих длинных ногах, слишком туго стянутых двойным перехватом носков и штанов.

И Берк знал, что патруль настигает их. Теперь он уже слышал его совсем близко, за поворотом. Рид, бегущий впереди, мешал, загораживая дорогу. Тише. Тише. Один раз Берк на мгновение оглянулся назад. Он увидел, как тот молодой, коричневый от загара, сдергивал с плеча автомат. Автомат был тяжелый, и ему было неудобно. Деревянный приклад застрял у него между колен, когда он на бегу перехватывал его правой рукой.

И в эту же самую секунду Берк глянул влево, в сторону обрыва. Гора обрывалась отвесно и круто, и внизу были круглые валуны и красная земля, поросшая мхом, сухим и мертвым, но еще зеленым. И он крикнул Риду:

— Берегись!

И сейчас же грянуло. Короткая, но быстрая очередь. И выше, чем нужно, а уж наверняка ему сто раз на неделе твердят, что, когда стреляешь из автомата, прицел надо брать ниже. Пули пролетели, над головой Берка. И он прыгнул с тропы вниз.

Вторая очередь ударила, когда он был еще в воздухе и даже ног не успел сомкнуть после прыжка. И он ждал толчка при ударе о землю и думал, сломают ли ноги или нет и прыгнет ли тот, молодой, за ним?

Правая нога у него при падении подогнулась, и так как ноги были короче туловища, то, упав, он перекувырнулся через себя. Но не покатился. Он упал боком и поехал по каменистому склону на спине, инстинктивно цепляясь за землю, чтобы остановиться, и чувствуя, как рвется тонкая ткань штанов и острые края камешков впиваются в его онемевшие ягодицы, и, наконец, он въехал боком в мягкую кучу красной земли и застрял. Он ждал новой очереди, но все было тихо. Он встал и бросился дальше вниз, вприпрыжку, бегом, ползком, пока очередь не настигла его.

Он услышал только «взз-взз» брызнувшей в стороны земли. Потом почувствовал сильный жар и толчок в правую ягодицу, как будто он наткнулся на что-то. И кувырнулся вниз, и фляга, которую он до сих пор бессмысленно держал в руке, описав в воздухе изящную плавную дугу, упала и разбилась вдребезги, в двух шагах от его головы.

Потом он снова встал, опираясь каблуками в землю, чтобы как-нибудь преодолеть слепую силу собственной тяжести, увлекавшую его вниз. Он увидел густую кущу кленов и стал карабкаться к ней.

Ему вслед стреляли, и он слышал, как свинец ударялся о дерево и расщеплял его с треском, отдававшимся в густых ветвях. Его не тянуло оглянуться назад, потому что все это касалось только его одного. Что случилось с высоким Ридом, он не знал, и его не тянуло узнать или оглянуться, потому что во всем мире реальным и значащим было только это одно. Идти, подвигаться вперед, выбираться к черту отсюда.

Раздумывать тут было не о чем. Он знал, что нужно опять взобраться наверх. Они спустятся сюда за ним. И будут рыскать по кленовой роще, пока не найдут его.